

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ
ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник

1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

Р.Г. Карлина

ИВАН НЕСТЕРОВИЧ И ЕГО РУКОПИСЬ ЯПОНО-РУССКОГО СЛОВАРЯ

В библиотеке Восточного факультета ЛГУ в июле 1960 г. была обнаружена рукопись под названием:

"Словарь японского языка по российскому алфавиту собранный двора его императорского величества действительным камергером, императорских Санктпетербургских Академий Наук и вольного экономического общества членом и кавалером

Николаем Резановым,

в бытность его в Японии исправленный и умноженный и на латинский язык переведенный надворным советником и кавалером Иваном Нестеровичем" 1.

На обороте титульного листа этот же текст написан по-латыни, а на следующей странице помещено еще одно заглавие:

LEXICON JAPONICO-LATINO-RUSSICUM

В верхнем правом углу титульного листа пометка, сделанная другим почерком: "получ. 24 декабря 1825 г."

Никаких сведений о том, когда и откуда этот словарь поступил в библиотеку Востфака, найти не удалось. При описании рукописи возник ряд вопросов, для решения которых пришлось предпринять непредвиденно сложные и длительные разыскания в архивах и библиотеках Ленинграда.

На первый взгляд особых трудностей встретиться не должно было. Известно, что Н.П. Резанов являлся начальником экспедиции, которая в 1803 г. была послана русским правительством для налаживания дипломатических и торговых отношений с Японией и Китаем. История этой экспедиции, все обстоятельства, связанные с ее посылкой и пребыванием в Японии, причины ее неудачи, а также характеристика и роль Н.П. Резанова с достаточной полнотой освещены в работах дореволюционных и советских исследователей и в записках самих участников экспедиции 2. Поэтому в настоящей статье важно подчеркнуть лишь некоторые моменты, имевшие значение при описании указанной рукописи "Словаря японского языка".

Приказом Александра I Н.П. Резанов был назначен чрезвычайным посланником в Японию и начальником всей экспедиции, 27 июля 1803 г. отправившейся в кругосветное путешествие из Кронштадта на двух кораблях, "Надежда" и "Нева", под командованием Крузенштерна.

Посланнику были даны широкие полномочия, изложенные в специальной и очень подробной инструкции, составленной государственным канцлером графом Н.П. Румянцевым. Резанов вез с собой подарки и высочайшую

грамоту на имя японского императора. На борту "Надежды", где поместился со своей свитой Н.П. Резанов, находились и четверо японцев, которые, как указывалось в грамоте, "...злосчастною судьбою прикинуты были на берега владений" русского царя, и коих он "...радея не токмо что о своих подданных... возвращает в дар отчеству и японскому императору..."³.

Во время путешествия Резанов стал заниматься японским языком с одним из японцев, находившихся на "Надежде", и на основании приобретенных знаний составил "Руководство к познанию японского языка" (1803 г.) и русско-японский словарь (1804 г.).

Еще будучи на пути в Японию, Резанов прислал свои "Руководство" и словарь президенту Академии наук акад. Н.Н. Новосильцову, который представил их в Академию наук вместе с письмом, где писал:

"Управляющий японскою экспедициею действительный камергер Резанов... из Камчатки от 20 августа прошлого 1804 года... препроводил ко мне для поднесения его императорскому величеству словарь японского языка и руководство к познанию оного, им самим сочиненное. Он полагает, что не бесполезно оные напечатать для употребления в Иркутской японского языка школе, обещаясь со своей стороны заимствовать в Японии дальнейшие познания сего языка и через то усовершенствовать, сколько можно, означенный труд свой. Предлагая о том для сведения Конференции Академии Наук, препровождаю при сем вышеупомянутые приложения, при письме г-на Резанова мною полученные

апреля 30-го дня 1805 года
Николай Новосильцов"⁴.

За время своего пребывания в Японии (где фрегат "Надежда" стоял на Нагасакском рейде с 26 сентября 1804 г. по 6 апреля 1805 г.) Резанов действительно постарался усовершенствовать свой словарь, расширил его и, кроме того, дополнил "приобщением собрания слов народа Айно, на островах Матмае, Сахалине и Курильских обитающего". Этот второй дополненный словарь, датированный 1805 г., он также прислал Н.Н. Новосильцову.

Сам Резанов в Петербург не вернулся, так как в 1807 г., возвращаясь из Японии, умер в Красноярске. Дальнейшие сведения о его словарях отыскались в материалах архива Академии наук. В журнале Комитета правления Академии имеется следующая запись от 15 марта 1808 г.:

"Господин президент Академии тайный советник Николай Николаевич Новосильцов по отношению к нему министра иностранных дел⁵ предложил Комитету, чтоб... японского языка словарь, составленный покойным камергером Резановым в академической типографии напечатать с французским и российским переводом; но поелику сей словарь несходен с представленным прежде в Академию словарем японского языка, его же г-на Резанова сочинение, да и в обеих их оказываются следы торопливости и недостатки в философических и грамматических знаниях, нужных к составлению хорошего словаря, каков он по всему смыслу быть должен, то и рассуждено отложить напечатание сего словаря дотоле, пока оный не будет рассмотрен отсутствующим теперь академиком восточных языков⁶, о чем его превосходительству г-ну президенту с прошением сего представить, а рукопись сего словаря препроводить в ученое собрание"⁷.

Неизвестно, представил ли академик восточных языков Клапрот какие-либо соображения по поводу резановского словаря, в просмотренных ма-

териалах его оценки не нашлось. Возможно, что свое заключение Клапрот увез вместе со всем своим архивом за границу, куда уехал в 20-х годах прошлого века. Так или иначе, в связи ли с его оценкой, или безотносительно к ней, но словарь Резанова никогда опубликован не был. Обе рукописи этого словаря (равно как и "Руководство к познанию японского языка") хранятся в настоящее время в Ленинграде в Архиве Востоковедов Института востоковедения АН СССР⁸.

При рассмотрении оказалось, что словари Резанова существенно отличаются от рукописи, которая найдена в библиотеке Востфака ЛГУ и о которой нигде нет никаких упоминаний.

Главные различия состоят не только в том, что к исходному тексту заглавия резановского словаря добавлены строки: "...и на латинский язык переведенный надворным советником и кавалером Иваном Нестеровичем", и не только в наличии латинского перевода, но прежде всего в том, что:

1. Резановский словарь (в двух вариантах) – русско-японский, а в третьем варианте, который дальше для удобства будет называться "рукопись Нестеровича", это словарь японо-русский.

2. Во всех вариантах дается фонетическая транскрипция японских слов (без иероглифов), но у Резанова транскрипция русская, а у Нестеровича – латинская.

Далее, словари Резанова датированы, как указывалось, первый – 1804 г., второй – 1805 г. Рукопись Нестеровича написана между 1820 и 1825 гг., что устанавливается водяными знаками на бумаге – 1820 – и упомянутой пометкой на титульном листе – "получена 24 декабря 1825 г."

Резановский словарь содержит в первом варианте 3506 русских слов, а во втором 4445, с "приобщением" 234 слов "народа Айно" (из них 46 – "языка на восточной стороне Сахалина"), а также имен числительных на языке айну – от 1 до 500. То есть всего во втором варианте (включая эти числительные) содержится 5189 русских слов с переводом их на японский язык и частично на язык айну.

В рукописи Нестеровича 3955 японских слов с переводом их на латинский и русский языки; "собрание слов народа Айно" и айнские числительные отсутствуют. Таким образом, состав основного словника резановского словаря уменьшен Нестеровичем почти на 500 слов.

Различен и внешний вид рукописей. "Руководство к познанию японского языка, содержащее азбуку, первоначальные грамматические правила и разговоры, сочиненное двора его величества действительным камергером... Николаем Резановым в первом путешествии россиян около света 1803-го года под парусами на корабле "Надежда"⁹ переплетено в красный сафьян, и текст его тщательно, без помарок, написан на бумаге с золотым обрезом. Точно так же оформлен и первый вариант словаря. Рукопись второго словаря не имеет такого парадного оформления. Она состоит из четырех сброшюрованных вместе тетрадей, с общей серой из плотной бумаги обложкой, на которой написано заглавие. Но посвящение Александру I и приводимое ниже обращение к нему свидетельствуют, что составитель считал свою работу законченной. На странице, предшествующей тексту словаря, значится:

"Всемиловивейший Государь!

Исправленный мною и умноженный словарь японского языка дерзая всеподданнейше подносить вашему императорскому величеству, как следствие вашего к наукам покровительства.

Несовершенный труд мой улутчат время и таланты других, но путь проложил к тому

Вашего императорского величества верноподданный
Николай Резанов* 10

У рукописи Нестеровича переплет из тонкого серого картона, в тексте много помарок, подчисток, исправлений, вычеркиваний. Это черновой рабочий экземпляр, очевидно, еще не вполне законченной работы, представленный, скорее, "для отчета", чем для публикации. Но нужно сказать, что весь характер и объем переработки резановского словаря, выполненной И. Нестеровичем, заставляет считать его не столько редактором, сколько соавтором Резанова, причем соавтором, поставившим перед собой особую задачу, а именно: подготовить не русско-японский, а японо-русский словарь.

Естественно, встал вопрос: кто такой Иван Нестерович и почему он переработал словарь Резанова?

И тут начались непредвиденные трудности.

Достоверно было известно только то, что Нестерович являлся надворным советником и кавалером орденов (как указано на титульном листе его рукописи), знал латынь (поскольку снабдил резановский словарь латинским переводом) и жил где-то в первой половине XIX в.

В списке участников экспедиции в Японию, приведенном в записках Крузенштерна, фамилии Нестеровича нет. В энциклопедических словарях также не оказалось Ивана Нестеровича. Не упоминается он и в "Петербургском некрополе". В "Месяцесловах" с 1803 по 1820 г. его найти не удалось. Ничего не дали "Списки гражданским чинам 7-го класса" (т. е. надворных советников) за эти же годы. Никаких следов не обнаружилось ни в Архиве АН СССР, ни в ЦГИАЛе. В генеральных каталогах ГПБ, БАН и в других библиотеках Ленинграда не нашлось каких-либо опубликованных сочинений Ивана Нестеровича (что могло бы натолкнуть на какие-нибудь данные о нем). В Архиве Ленинградской области (ГИАЛО), хранятся дела губернского правления, через которое проходило утверждение в чинах, в материалах за 1802-1820 гг. такого надворного советника нет. Не помог и Архив Института истории АН СССР (ЛОИИ).

Правда, Иван Нестерович упоминается в "Провинциальном некрополе", где на это имя дается пересылка: "См. Ириней". Но Ириней, в миру Иван Гаврилович Нестерович (1783-1864), - архиепископ иркутский, якутский принял монашество в 1813 г., следовательно, никак не мог в 20-х годах подписываться своим светским именем. Да и все данные об Иринее, содержащиеся в справочных изданиях, в различных "Епархиальных ведомостях" и воспоминаниях о нем, опубликованных в журнале "Русская старина", исключали возможность отождествления его с надворным советником, переделавшим русско-японский словарь Резанова.

Первый смутный след Нестеровича отыскался в Пушкинском Доме, в картотеке Б.Л. Модзалевского, где на эту фамилию имеется карточка с записью: "Нестерович, коллежский асессор, переводчик, 1820 год" и ссылка на журнал "Русский архив".

Однако и "Русский Архив" не помог решить задачу. Статья, помещенная там, называется: "История издания в русском переводе сочинения Коцебу "Свитригайло, великий князь литовский". В ней упоминается, что граф Николай Петрович Румянцев, считая, что указанное сочинение Коцебу следует перевести с немецкого языка на русский, "поручил перевод неко-

му коллежскому ассессору Нестеровичу"... "но работа его замедлилась" и перевод Нестеровича, "не пожелавшего", впрочем, выставить своего имени на книге, "появился в свет не прежде 1835 г."¹¹.

Больше там ничего не было. И все же этот Нестерович выглядел более подходящей "кандидатурой", нежели архиепископ Ириней. И упоминание о графе Румянцеве, который в свое время при отправке экспедиции в Японию составил инструкцию Резанову и по письму которого резановский словарь был представлен Н.Н. Новосильцовым в Академию наук, наводило на мысль, что переводчик сочинения Коцебу и есть "искомое лицо".

Однако такое предположение нуждалось в обосновании. Оставалось начать поиски сведений о Нестеровиче с начала, но уже не как о надворном советнике, а как о коллежском ассессоре, каковым он (если это он) был в 1820 г.

Но случилось так, что там же, в Пушкинском Доме, среди описей архивных материалов нашлась такая опись:

"Нестерович, Иван Иванович. Письмо к нему от неизвестного, в стихах. Без подписи. 1824 г."

Практически такой документ как будто бы ничего не мог дать. Между тем письмо это оказалось весьма любопытным. Приводим его полностью.

Милостивый государь Иван Иванович!

Честному слову ты, о барин! изменяешь,

Не слушаешься даже дам:

В гостях всегда в бостон играешь;

Божуся, что вперед я сапогов не дам,

Вот за Японщиной так не сидится вам!

Приедет как сюда Граф Николай Петрович,

И скажет: друг мой Нестерович!

Японский лексикон готов? -

В кармане будете тогда искать вы слов,

Чтобы в стыде пред Графом не остаться,

Не лучше ль в Нежин нам собраться?

Картежничать здесь полно вам,

А там,

Там с нетерпеньем ждет вас верная Наталка,

Изохла от любви к вам, бедная, как палка.

Ужели сердце вас к Наталке не влечет? -

Поедем - наварит всего и напечет.

А не поедете, так будете вы биты,

Послушайтесь, сударь, служителя Никиты.

Ноября дня 1824 года.

На обороте надпись:

Его высокоблагородию, милостивому государю

Ивану Ивановичу Нестеровичу

г-ну картежному игроку и переводчику
японского лексикона¹².

На краях письма сохранились половинки сургучной печати с отпечатком медной полушки.

Граф Николай Петрович, упоминаемый в этом шуточном послании, это, конечно, тот же граф Румянцев, который поручил Нестеровичу перевод со-

чинения Коцебу и, что в данном случае важнее, который ранее интересовался судьбой словаря Резанова.

Отсюда возникло предположение, что Нестеровича нужно искать где-то среди лиц, пользовавшихся доверием Румянцева и выполнявших его поручения. Было бы слишком долго рассказывать о всех архивных и опубликованных материалах, пересмотренных в ходе дальнейших поисков. В конце концов подтверждение указанной выше догадки нашлось в опубликованной в 1882 г. переписке Румянцева с московскими учеными. В письмах Румянцева имя Нестеровича встречается неоднократно. В частности, когда начальник московского архива Коллегии иностранных дел А.Ф. Малиновский предложил перевести И.И. Нестеровича из Петербурга в Москву, то Румянцев в письме от 13 июня 1815 г. ответил отказом, ввиду того, что "по усердию его в выполнении возлагаемых на него поручений моих, присутствие его и здесь нахожу довольно для меня нужным" 13.

Из переписки графа Румянцева, а также по другим материалам установлено, что И.И. Нестерович, во всяком случае до 1822 г. служил в Петербурге в Комиссии печатания государственных грамот и договоров, существовавшей при Архиве коллегии иностранных дел и занимавшейся собиранием, исследованием и публикацией древних летописей и документов. Работа комиссии была тесно связана с деятельностью "Императорского общества истории и древностей российских", членами которого были видные историки того времени, например К.Ф. Калайдович, Н.Н. Бантыш-Каменский и др. Граф Румянцев принимал непосредственное участие в работе комиссии, а также субсидировал приобретение и издание рукописей.

И.И. Нестерович не был ученым-историком, хотя и принимал участие в дешифровке старинных документов (как это видно из переписки Румянцева). Помимо своей работы в Комиссии он, вероятно, исполнял обязанности секретаря при Румянцеве (некоторые письма Румянцева написаны по его распоряжению Нестеровичем) и в то же время выполнял его поручения более сложного характера. За переработку словаря японского языка Нестерович, по всей видимости, взялся также по предложению Румянцева (см. приведенное выше стихотворное послание).

Н.П. Румянцев был дальновидным государственным деятелем. Он понимал, что неудача резановского посольства только откладывает, но не снимает вопрос об установлении дипломатических и торговых связей с Японией и что подготовка людей, знающих японский язык, в этом плане может играть не последнюю роль. Для такой подготовки нужны были соответствующие пособия. Видя, что словарь, составленный Резановым, не вызвал интереса в Академии наук и остался лежать без движения, Румянцев, видимо, счел нужным этот труд усовершенствовать и поручил это Нестеровичу, который, взяв словник русско-японского словаря Резанова за основу, составил на этом материале японо-русский словарь, названный им *Lexicon Japonico-Latino-Russicum*.

Для истории русского японоведения работа Нестеровича имеет важное значение. Она приобретает особый интерес уже потому, что представляет собой, насколько известно, первый опыт составления в России японо-русского словаря. Конечно, это был еще весьма несовершенный опыт, и, конечно, как у Резанова, так и у Нестеровича, в основном использовавшего резановский словник, оказалось немало "недостатков в философических и грамматических знаниях". Но и подходить к этой попытке можно, только учитывая тогдашний крайне скудный уровень имевшихся у нас знаний о японском языке.

- ¹ Библиотека Востфака ЛГУ, шифр Я-253, инв. № 204/60 г.
- ² См., напр., К. Военский, Русское посольство в Японию в начале XIX в., - "Русская старина", 1895, № 7, 10; С. Знаменский, В поисках Японии, Благовещенск, 1929; Э.Я. Файнберг, Русско-японские отношения в 1697-1875 гг., М., 1960; Н.П. Резанов, Первое путешествие россиян около света..., - "Отечественные записки", 1821-1825; Крузенштерн, Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах..., СПб., 1809-1810.
- ³ Цит. по: К. Военский, Русское посольство в Японию..., "Русская старина", 1895, № 7, стр. 134.
- ⁴ Архив АН СССР, ф. 1, оп. 2-1805, № 15.
- ⁵ В 1808 г. министром иностранных дел был назначен граф Н.П. Румянцев.
- ⁶ Речь шла об акад. Ю. Клапроте.
- ⁷ Архив АН СССР, ф. 1, опись 2-1808, № 9.
- ⁸ Об этих рукописях см.: О.П. Петрова, Словарь японского языка Николая Резанова, Научный результат экспедиции в Японию в 1803-1805 гг., М., 1963, прим. ред., - Архив Востоковедов, р. 1, ед. 4, ед. хр. 1, 2, 3.
- ⁹ Архив Востоковедов, Разр. 1, оп. 4, ед. хр. 1.
- ¹⁰ Там же, ед. хр. 3.
- ¹¹ "Русский архив", 1869, стр. 615, 616, 628.
- ¹² Архив ИРЛИ АН СССР, Разр. Ш, оп. 2, № 2169.
- ¹³ "Переписка гос. канцлера графа Н.П. Румянцева с московскими учеными", - "Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете", М., 1882, кн. 1, стр. 16-17.